

Чжан Сю подумал, что, возможно, Мин ге-эр хотел пережить ближайшие несколько лет, чтобы позже найти надежного мужа. Это было бы лучше, чем позволить матриарху Чжао выдать его замуж за случайного мужчину за серебро. Подумав об этом, на сердце Чжан Сю стало легче, и он втайне решил, что в будущем он должен помочь Мин ге-эру сделать хороший выбор, потому что его маленькая семья не сможет обойтись без мужчины.

Поэтому Чжан Сю поспешно сказал:

- Тетя Ван, я собираюсь помочь брату Мину собрать людей. Я не могу опоздать ни на шаг, иначе не знаю, как члены семьи Чжао будут издеваться над братом Мином, - сказав это, Чжан Сю поспешно ушел.

Ван Ин оглядел пустой двор, вздохнул в глубине души и, наконец, почувствовал, что был слишком жесток, не сумев проглотить свои обиды. Если бы не А-Жун, даже если бы его пасынка забили до смерти, он бы не проронил ни единой слезы. Но теперь, поскольку А-Жун все-таки разыскал своего брата, Ван Ин не мог больше игнорировать своего пасынка.

Он нахмурился, вспоминая услышанные ранее слова. Зная, что большая часть семьи Чжао прогнила изнутри, он не испытывал облегчения. У него был только один сын, Жун-эр, и у него были планы на своего сына. Несмотря ни на что, он не мог позволить семье Чжао запугивать его. Подумав об этом, Ван Ин покинул двор, направляясь в сторону дома Чжао.

***

Тан Чунмин не знал, что Чжан Сю неправильно понял его. Однако, даже если его неправильно поняли, он все равно должен был преодолеть это препятствие.

Неся на руках своего сына, он неизбежно сталкивался на своем пути с другими жителями деревни. Увидев, что несмотря на скандал, устроенный матриархом Чжао несколько дней назад, Мин ге-эр снова идет в сторону его дома, некоторые знакомые жители деревни, которые любили почесать языками, спросили Тан Чунмина, что он собирается делать.

Тан Чунмин был обеспокоен, что на предстоящем шоу будет мало людей, поэтому он поднял брови и сказал:

- Несколько дней назад бабушка Линь-эра хотел заставить меня снова выйти замуж. Он сказал, что собирается отправить моего маленького ге-эра чужим людям в качестве ребенка-наложника. Я не хотел об этом думать, но Линь-эр с самого рождения никогда не получал ни единой конфеты от своего бабушки или любого из своих дядей. Как бы мне ни было тяжело, как бы я ни устал, я не хочу посылать своего ге-эра к чужим людям, чтобы он страдал. Даже если наши дни будут невыносимыми, разве кто-нибудь согласился бы на такое?

- Я не хочу оставлять маму! Мама, я не хочу идти в чужой дом, - плакал Чжао Линь.

Голос Тан Чунмина не был тихим, и он привлекал все больше людей. Жители деревни изначально не осмеливались поверить, что такое действительно было, они только обсуждали это между собой в частном порядке. Теперь все они были удивлены личным подтверждением Тан Чунмина. С тех пор как Чжао Пинчуань был утвержден в качестве Туншэна, семья Чжао считалась престижной семьей. Как они могут совершать такие жестокие поступки? Кроме того, несколько дней назад хромой лично сообщил, что матриарх Чжао получил от него пятнадцать лян серебра. Что касается этого вопроса, то любое непредвзятое сердце перешло на сторону Тан Чунмина. Все они думали о том, как сильно Чжао Даху уважал мать, но не успел он умереть, а его мать тут же развернулся и продал его жену. Как можно с этим смириться?

Так что Тан Чунмин смог с важным видом направиться к дому семьи Чжао, а за ним уже следовала кучка деревенских жителей. Тан Чуньжун, который изначально был уверен в себе и был готов спорить с семьей Чжао, был ошеломлен тем, насколько другим теперь казался его брат. Раньше его брат, столкнувшись с обидами, обычно просто проглатывал их и хранил в своем сердце, не говоря ни единого слова жалобы. Теперь он привлек на свою сторону так много людей. Тан Чуньжун, который изначально был не очень уверен в себе, почувствовал себя более смелым.

Сегодня деревне Пиншань суждено было провести насыщенный событиями день. Большая группа людей последовала за Тан Чунмином в западную часть деревни, к дому семьи Чжао. В то же самое время ко входу в деревню подошли двое высоких и крепких мужчин в грубой одежде.

Эти двое также услышали шум в деревне, так как слова Тан Чунмина были намеренно обдуманными и громкими.

Один из них сказал другому:

- Я вижу, ваша деревня достаточно оживленная, старший брат*, должны ли мы также пойти посмотреть на волнение, а уже затем вернуться в ваш дом?

(ПП: они не родные братья, просто это такое обращение)

У его собеседника были густые брови и большие глаза, и на первый взгляд он выглядел как простой сельский житель. Однако, когда он услышал эти слова, на его лице появилось хмурое выражение, заставлявшее почувствовать, что его темперамент кардинально изменился. Это был уже не взгляд работающего сельского жителя, а взгляд свирепого генерала, который сражался на поле боя. Темный исчезающий шрам между бровями делал все его лицо мрачным и суровым, внушая дрожь без всякой причины.

Другой мужчина, увидев этот взгляд, немедленно изменил свои слова:

- Тогда пойдем домой. Этому младшему брату просто хотелось посмотреть на волнение. Я не так умен, как старший брат, вы должны направлять меня. Но, старший брат, вы действительно

не собираетесь рассказать своей семье о своей личности?

Тот, кого называли старшим братом, отвел глаза и принял свой первоначальный вид. Он повернулся, чтобы окинуть деревню глубоким взглядом, и сказал:

- Когда ты доберешься туда, ты поймешь, почему я не хочу никому рассказывать. Если ты не сможешь держать свой рот на замке, то можешь вернуться прямо сейчас.

- Конечно, я могу держать его закрытым. Старшему брату не нужно говорить об этом младшему брату, я должен повиноваться, независимо от причины, - он закрыл рот. Чем ближе они подходили к деревне Пиншань, тем больше он чувствовал, как нарастает давление. Он знал, что его старший брат намеревался вернуться домой, даже если не думал, что его встретят с радостью. Кто знает, правда ли это, в конце концов, он никогда не встречался с семьей старшего брата.

В свое время его старшего брата отправили на границу, солгав его возрасте. Через несколько лет он своей яростной силой добился многих успехов. Другие только смотрели на его достижения, но он, который всегда шел рядом со своим старшим братом, знал, что ради этих достижений он несколько раз чуть не встретился с Королем Ада. Стиснув зубы, он последовал за старшим братом, чтобы посмотреть, какая семья заставила несовершеннолетнего юнца пойти служить в армию.

***

По дороге к дому семьи Чжао Тан Чунмин встретил еще одного старого знакомца, который вышел из чужого дома, чтобы посмотреть, из-за чего весь этот шум. Ван Чуньхуа, жена старшего брата Чжао Даху увидел, что это был Тан Чунмин, и с удивлением взглянул на его живот, прежде чем сказать:

- Брат, это твоя удача, ты не должен быть предвзятым. Твоей свекрови трудно было смотреть на твои страдания, поэтому он перешагнул через правила и просто хотел выдать тебя замуж за любящего мужчину. Так что иди и извинись перед свекровью и загладь свою вину. Свекровь был так зол на тебя в эти дни, что не вставал с кана.

Тан Чунмин проигнорировал Ван Чуньхуа, но ускорил шаг. Этот Ван Чуньхуа изначально не ладил с прежним Мин ге-эром и постоянно пытался очернить его перед свекровью. Можно было поспорить, что ситуация, с которой они с Линь-эром столкнулись сейчас, несомненно произошла благодаря закулисным действиям этого человека. Теперь ему нужно прояснить ситуацию и для начала разобраться с матриархом Чжао.

Тан Чунмин проигнорировал его, но людям, что шли рядом с ним, было что сказать.

- Что ты подразумеваешь под любящим мужчиной, Ван Чуньхуа? Почему бы тебе не попробовать это самому? Все это произошло всего два или три дня назад, думаешь, никто не

знает, что этот так называемый любящий мужчина не только хромым, но и имеет двух неряшливых детей. Его предыдущая жена больше не могла его терпеть и прыгнул в реку. Он не работает и постоянно ворует кур или еду в деревне. Кто не знает, что старик Чжао позарился на деньги этого человека и собирался столкнуть Мин ге-эра в эту огненную яму.

- Более того, откуда у такого человека столько денег? Разве он не занимал деньги, чтобы жениться на Мин ге-эре? Как только они поженятся, эти долги перейдут на Мин ге-эра, и он должен будет отрабатывать их и страдать еще больше? Отличная шутка.

Что касается душевной боли матриарха Чжао, хотя некоторые деревенские жители не говорили об этом вслух, они все равно шептались в частном порядке. Старик Чжао часто страдал от сердечной боли, ведь умерли не только его муж, но и его сын, который был честным и сильным. Однако сам он все еще жив и здоров, всегда громко ругая людей. Теперь, когда ему не удалось заставить Мин ге-эра снова выйти замуж, это не значит, что он болен, это просто уловка, чтобы заставить Мин ге-эра покориться.

Когда Тан Чунмин не опроверг все эти слова, Ван Чуньхуа потерял дар речи. Однако он всегда был смелым и продолжал поддерживать матриарха Чжао.

- Не только я должен слушать главу Чжао. Мы все принадлежим к семье Чжао и должны слушать его.

Чжан Сю догнал их как раз вовремя, чтобы услышать слова Ван Чуньхуа, и сразу же крикнул:

- Эй, как получилось, что я услышал, что этот человек был из дома твоей матери, Ван Чуньхуа? Разве он не родственник твоей матери? Кто в этой деревне не знает, что изо дня в день ты пытаешься испортить репутацию брата Мина, всем рассказывая, что он ленив и ему наплевать на семью своего мужа. А чем ты занимаешься целыми днями, Ван Чуньхуа? Все дикие животные, на которых охотился Даху, в чей желудок они попадали? Посмотрите на свои румяные и здоровые лица, а затем посмотрите на брата Мина и его ребенка. Ба, у тебя все еще хватает смелости говорить, что другие ленивы!

Все посмотрели и увидели, что Ван Чуньхуа был в два раза толще Мин ге-эра. Ван Чуньхуа был так смущен, что сразу же отступил, но напоследок крикнул:

- Я этого не говорил. Кроме того, не я принимаю решения в семье Чжао.

- На днях я слышал, как мой старший дядя сказал бабушке, что отдаст меня другим людям в обмен на десять серебряных, - хотя Чжао Линь не совсем понимал, в чем дело, но, основываясь на своей детской интуиции, он мог почувствовать разницу в этот момент. Здесь было так много людей, поэтому он храбро ответил Ван Чуньхуа.

Ван Чуньхуа, который собирался потихоньку ускользнуть, уже хотел развернуться и отругать ребенка до смерти. Но он также понимал, что ситуация становится для него все более

пагубной, поэтому ему нужно было быстрее возвращаться. Он всегда прятался за мatriархом Чжао. Зачем ему именно сейчас приспичило броситься вперед, чтобы попытаться выслужиться?

Тан Чунмин остановился и посмотрел на ребенка у себя на руках. Он вспомнил, что, когда он пришел в тот день в дом семьи Чжао с Линь-эром, он был занят на кухне, когда Линь-эр внезапно заплакал и прибежал к нему. Он сказал, что бабушка Чжао и его дядя хотели отдать его. Это заставило его поссориться с мatriархом Чжао, но он не знал, что Линь-эра хотели продать за серебро. Хорошо, это заставило Тан Чунмина возненавидеть бесстыдную семью Чжао еще больше!

- А-Линь, твои дядя и бабушка действительно так говорили? Они сказали, что это было десять лян серебра?

- Мама, они действительно так сказали, они также ругали меня, называя бесполезной тратой денег*, - обиженно сказал Чжао Линь.

(ПП: так как он ге-эр, ему понадобится приданое, чтобы выйти замуж)

Глаза Тан Чунмина сузились, но он все еще уговаривал ребенка:

- Не слушай их. А-Линь - мое сокровище, я люблю А-Линя больше всех, никто не сможет украсть А-Линя.

- А-Линь не бесполезная трата. У тебя есть еще дядя. Дядя защитит нашего Линь-эра, - Тан Чуньжун тоже был так зол, что покраснел от гнева.

Теперь никто не сомневался в истинности этого вопроса. Иногда слова детей бывают самыми правдивыми, не говоря уже о том, что Мин ге-эр не знал, что его ребенка тоже продают за деньги. Голоса, осуждающие семью Чжао, становились все громче.

Большая группа людей продолжала идти к дому Чжао. Чжан Сю видел, что ситуация была хорошей. Завернув за угол, он быстро зашагал в направлении дома деревенского старосты. Ван Ин последовал за всеми и наблюдал, как Тан Чунмин шел впереди. В его глазах было некоторое замешательство, действительно ли его пасынок изменился? В прошлом он никогда не был таким, и хотя ему не нравилась его прошлая личность, прожив столько лет, он мог понять своего пасынка.

Если он действительно изменился, это будет хорошо для А-Жуна.

Как только Ван Чуньхуа проскользнул домой, он закрыл дверь во двор и побежал обратно в свою комнату. Старший сын семьи Чжао удивлялся, почему его жена вернулась так рано, ведь обычно он возвращался домой к ужину. Мatriарх Чжао и Чжао Пинчуань сидели в комнате,

отведенной под кабинет. Они не знали, что большая группа людей во главе с Тан Чунмином направлялась в их сторону.

В это время года никто не был занят, и многие люди сидели без дела. Поскольку происходило такое важное событие, все были готовы пойти посмотреть. Кроме того, матриарх Чжао и жена старшего сына не очень нравились окружающим. Один был злым, а другой любил создавать проблемы. В прошлом Даху был честным парнем, а младший сын семьи Чжао сумел стать Туншэном, так что не многие люди стали бы связываться с ними.

Как только толпа подошла к дому семьи Чжао, они увидели, что ворота во внутренний двор закрыты. Какой-то здоровяк вдруг крикнул:

- Разве Ван Чуньхуа только что не вернулся? Я думаю, что у него нечистая совесть, Мин ге-эр, ты хочешь, чтобы мы постучали в дверь для тебя?

- Я сделаю это сам, это мое личное дело. Вы все пришли сюда, чтобы стать моими свидетелями. Как я могу беспокоить вас по этому пустяковому поводу? - Тан Чунмин махнул рукой, держа Линь-эра в другой руке. Он прошел вперед и с силой постучал в дверь.

Через несколько секунд раздался голос:

- Кто закрыл дверь днем? Старший сын, старшая невестка, идите скорее, посмотрите, кто там снаружи? Кто знает, не помешает ли это обучению вашего младшего брата, - следом раздались привычные ругательства.

Старший сын семьи Чжао встал и вышел, чтобы открыть дверь, когда услышал крик своей матери. Он задавался вопросом, зачем Ван Чуньхуа закрыл дверь во двор, когда вернулся. В дневное время это было редкостью. Однако Ван Чуньхуа поймал его и тихо сказал:

- Не выходи, жена твоего доброго брата привел в дом кучу людей, чтобы свести счеты. Если ты выйдешь, люди будут показывать на тебя пальцем и ругать тебя.

- Что? Тогда я не буду открывать, - старшего сына семьи Чжао звали Чжао Даню (Большой вол). Его отец, когда он был еще жив, не любил его, так как он часто жульничал и обманывал других. Отец часто говорил ему, что он никогда не сможет оправдать свое имя. По мере взросления Чжао Даню становился все более и более ленивым. После смерти отца он положился на Ван Чуньхуа, положение которого в доме возросло после рождения его второго ребенка. Это заставило матриарха Чжао оценить Ван Чуньхуа*.

(ПП: у Ван Чуньхуа двое детей. Старший из них - ге-эр, а младший - единственный внук)

<http://bllate.org/book/13611/1207197>